

УДК 130.31

*А.Г. Некита***ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФЕРЫ В ИСТОРИИ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ:
СУБЛИМАЦИЯ СОФИЙНОГО МАТРИАРХАТА В ИМПЕРСКОМ ПАТРИАРХАТЕ¹**

Статья рассматривает проблему трансформации базовых принципов русской ментальности. Как результат исторически сложившихся форм совместной жизнедеятельности предков, она претерпела существенные изменения в период распространения православия в Древней Руси. Приняв православную форму, древнерусская ментальность смещает символические акценты в языческих ритуалах почитания Природы и Земли, персонифицируя общекультурные символы святости и софийности. На практике это выражается в равенстве мужчин и женщин в социально-политической и культурной жизни, которое было характерно для Новгородской республики. Однако идеология Московского государства ориентировалась на культивирование «отцовской» символики как отражение растущих политических и территориальных амбиций царя. В итоге Москве удалось сублимировать энергию матриархальных принципов древнерусской ментальности и подчинить их патриархальным принципам построения государственной власти и организации повседневности. Но, объединив вокруг себя русские княжества, Московский патриархат проигнорировал архетипическую гармонию «материнского» и «отцовского». Он наделил «отцовскую» модель всей полнотой политической власти, сохранив при этом все символические функции бинарного архетипа «Мать/Отец». Подобная установка открыла дорогу многовековым идеологическим трансферам традиционной русской ментальности в формат имперского патриархата.

Ключевые слова: архетипическая ментальность, Мать, Отец, семья, имперская идеология, язычество, православие, матриархат, патриархат, политический трансфер.

Исследования русской ментальности с необходимостью сталкиваются с определением соотношения ранних, языческих форм верований наших предков с более поздними идеологическими наслоениями православия. Хотя о Древней Руси нам известно совсем немного, тем не менее, опираясь на косвенные упоминания, мы всё же можем попытаться реконструировать целый ряд принципов, которые составили основу как самого славянского язычества, так и его православной редакции. Фундамент славянской ментальности изначально базировался на гармоничном сочетании матриархальной и патриархальной символики как архетипического принципа формирования коллективного духа и культуры. Примечательно, что подобный архетипический баланс в древности оказался чрезвычайно эффективным, на что указывают практически неизменно сохраняющиеся на протяжении десятков веков языческие элементы не только в Средневековой Руси и Нововременной России, но и в современной культуре.

Эту идею подтверждают и многочисленные свидетельства современников, отраженные в летописных документах. В частности, упоминание о традиционно важном месте как женщины, так и мужчины в языческой семье позволяет сделать совершенно обоснованный вывод, что подобное «равноправство» напрямую проистекает из исторически складывавшихся в Древней Руси форм семейно-родовых отношений. Их зрелые аналоги не только позволяли предотвращать возможные внутрисемейные и общесоциальные конфликты, но и определили профиль древнерусской ментальности на многие столетия вперед.

Именно женщина-мать должна была, по мнению авторов церковных текстов, «нрав детиний исправливати», «блюсти чад своих». В «Пчеле» XV в. читаем: «Матери боле любят сыны, яко же могут помогати им, а отци дщерь, зане потребуют помощи от отец...» [1] – из чего следует, что в древнерусской семье мать занимала равное место с отцом, и вытекает эта идея из традиционных представлений о священной роли Матери и Отца в истории мироздания. В том же источнике прослеживается формирование целой традиции благоговейного отношения к родителям и системы межпоколенческих связей, что характерно для Новгородских земель той поры. «Родителя присно с богом чти равно» [2. С.41-42, 58], также не допускается и забвение родителей: «паки насмежался отцю и укоряюще старость материю...», поскольку «...и возплачется тогда, и господь не услышит его...» [3-7]. В «Пчеле» находим еще несколько нравоучительных замечаний: «Какы чести принесешь ты своим ро-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №16-13-53001 («"Материнский" Новгород и "отцовская" Москва: драма софийного и имперского начал в русской ментальности»).

дителям, таких и ты чай от своих детии на старость» [8]; «аще бо охудеет разумом в старости отец ваш или мати ваша, то не безчестуйте их, не укоряйте» [4. С. 127].

Видимо в Древней и Средневековой Руси архетипическое священство семейной жизни накладывало опереженный круг обязанностей на каждого из членов семьи и становилось условием гармоничной социализации и дифференциации профессиональной и общественной деятельности. Н. Пушкарева тоже замечает эту особенность: «...были сферы общественной жизни, в которых приоритет принадлежал мужчинам: войны, политика, но существовали и области чисто женского «господства»: организация экономической жизни дома, семьи, воспитание детей, внутрисемейные отношения. «Матриархат» в доме был как бы балансом «патриархату» во всех областях общественной жизни вне его» [9]. Новгородские грамоты весьма подробно рассказывают о роли новгородок в ведении домашнего хозяйства. Так, из грамоты № 578 XV в. нам известна «баба Маремьяна»; из грамоты № 531 XIII в. – Анна с дочерью, а из грамоты № 411 XIII в. – зависимая девушка Ксения; все они решали хозяйственные вопросы по покупке и заготовке продуктов и домашней утвари. Также в XV в. в Новгороде широко была распространена практика приоритетного права имущественного владения старших дочерей по отношению к младшим, что противоречит принципам феодальной, патриархальной юриспруденции, всегда отдававшей подобные преимущества старшим сыновьям и родственникам по мужской линии.

Отдельно скажем об институциональном закреплении равенства женщин с мужчинами в Новгородских землях. Оно естественным образом следовало в русле традиционных ментальных установок, изначально складывавшихся на этих территориях. Для Северо-запада Руси «развитие товарно-денежных отношений, не нарушенное ордынским вторжением, было особенно интенсивным» [10. С. 123], что давало немалые преимущества местной власти, которая, в отличие от княжеских верхушек разоренных земель, могла себе позволить не нарушать сложившуюся ранее естественную эволюцию имущественных отношений женщин знатных родов. В первую очередь это относилось к землевладению. Н. Пушкарева отмечает, что «развитие «женского землевладения» отразили помимо актов и писцовые книги, позволяющие проследить ход открытой экспроприации феодальными вотчинниками «черных» земель Русского Севера и участие крупных земельных собственников в процессе новгородской колонизации» [10. С. 9]. Новгородские феодалы довольно быстро прибрали к рукам богатейшие в ресурсном отношении и выгодные своим стратегическим положением северные земли, а также Обонежье и Подвинье, причем основным способом колонизации был элементарный захват с присоединением территорий. И лишь в исключительных случаях шла речь о торге и покупке. Активными участницами колонизационных процессов были и женщины: «В их числе были Наталья Бабкина, владелица земельного массива в Шунгском погосте Обонежской пятины, и боярыня Анастасия, «жена Ивана Григорьева», увеличившая свои владения за счет волостей в Пудожском погосте в Обонежье и на Емце в Подвинье. Своими, хотя и небольшими, территориальными приобретениями распоряжались в этих районах жены своеземцев, например Мария Федоровна, жена своеземца Остафьева» [10. С. 135].

Здесь достаточно вспомнить масштаб имущественных притязаний скандально известной Марфы Борецкой, одной из самых богатых вотчинниц Новгородской земли: «По величине собственности Марфа к концу XV в. была третьей после новгородского владыки и монастырей. В описи ее владений можно увидеть пушнину в тысячах шкурок, и полотно в сотнях локтей, и хлеб в сотнях коробей, и мясо в сотнях туш, масло, кур, лебедей и многое другое, а главное – деньги: в вотчине Борецкой денежный оброк составлял 51 % владельческого дохода» [10. С. 53]. Кстати, последний факт свидетельствует об ориентации Марфы на буржуазный тип ведения хозяйства в ее вотчинах, основанный на капитализации прибыли и рыночных установках. Данные Новгородских писцовых книг позволяют сделать вывод о весьма значительных размерах владений Марфы по отношению ко всей территории Новгородской республики. В ее собственности находились земли Бежецкой, Вотской, Деревской, Шелонской и Обонежской пятин, что составляло 91,1 % принадлежащих ей территорий (см.: [10. С. 239-240]). Таким образом, у новгородской колонизации северных земель был изначально матриархальный вектор, позволявший органично сочетать местные традиции с интересами новгородской власти.

В то же время известно, что патриархально ориентированная модель православной церкви, заимствованная у Византии, в своей деятельности на территориях Древней Руси в целом неодобрительно относилась к активности женщин в культурной и тем более в социально-политической жизни общества. От самого принятия христианства на Руси, она настойчиво и целенаправленно воспроизводи-

ла противоречие в оценке роли женщины в общественной жизни. А.П. Щапов обратил внимание на подобные «двойные стандарты»: с одной стороны, «церковь с самого начала взяла женщину под свою защиту, возвысила значение матери», а с другой – она же «укореняла в ней веру в святость и нерушимость церковно-брачного подчинения мужу» [11. С. 55-101], а «источник унижения и отверженности» женщины на Руси исследователь предлагал обнаруживать в мировоззрении людей и повсеместном господстве аскетических идеалов, насаждавшихся церковью [12. С. 105-106, 152-153].

Становление православия в Средневековой Руси происходит разнонаправлено, что становится особенно заметно после татаро-монгольского нашествия. Специалисты по социально-экономической и сравнительной истории К.Клаус и Д.Аткинсон также считают, что понижение статуса женщин на Руси связано с ордынским игом. Однако они же, как на дополнительные факторы указывают на возрастание идеологической роли церкви и трансформацию производительных сил в постмонгольский период, когда появились новые орудия труда, оперирование которыми было под силу лишь мужчинам (Цит. по: [10. С. 202]. Постепенно, особенно на территориях, значительно пострадавших от захватчиков, верх берет патриархальная тенденция, распространяющаяся и на уровне повседневности, и в среде официальной власти и социальных институтов. От былой свободной женщины, идеал которой утвердился в Новгородских землях, в Московской Руси мало что остается. Так, уже в знаменитом своде законов XIV в., известном как «Пчела», указывается: «Жена правдива, и смиренна, и безмолвна – жизнь дому и спасение мужу своему» [13. С. 120].

Подобная, откровенно маскулинизированная и патриархальная, социальная обстановка вокруг женского участия в общественной жизни уходит корнями скорее в языческие представления, основанные на более взвешенном и всестороннем балансе мужского и женского, отцовского и материнского. Рассуждая об этой ситуации, Н. Пушкарева, обоснованно указывает, что «микроклимат в древнерусской семье, по мнению авторов многочисленных поучений, зависел именно от женщины» [10. С. 88-89]. Также в источниках отмечается, что «подобает жене мужа своего мети аки главу на плечах, а муж жену свою – аки душу в теле» [15. С. 61]. В летописных свидетельствах той поры, например, о Ростиславе Мстиславиче и его сестре Рогнеде и о Рюрике Ростиславиче и его снохе Верхуслане, эта мысль неоднократно подтверждается [16. С.527-532, 658]. Отсюда совершенно понятны выглядят наставления к мужьям, содержащиеся в памятниках XII–XIV вв.: «Не лишайте себе совещания жен своих... все творите по слову с женами своими»; «подружье свое храни, яко уд свои: зане едино еси есть тело с нею»; «жена спасения ради человеческого бысть» [14. С.119-120; 17; 18. С. 142].

Правда, в семейных отношениях в те далекие времена была и не вполне приглядная сторона. Так, новгородский монах Кирик пишет, что и «в монастырях часто пиры творять, съзывают вкупе мужа с жены, и в тех пирех друг другу преспевают...». Не будем забывать, что уже в Уставе князя Ярослава с XII в. запрещалось женщине без супруга ходить в гости, «к чюждим людям», за что она каралась разводом: «...аще жена без мужня слова иметь ходити с чюждими людьми, или пити, или ясти...». Но реальная, далекая от монастырских уставов жизнь брала свое. В одном из «Прологов» XV в. встречаем приписку, характеризующую вполне нормальную для сегодняшнего времени, но совершенно парадоксальную для средневековой Руси, ситуацию: «Плечи болят. Похмелен. Пошел бы в торг, да кун нет. Попадья ушла в гости...» [19. С. 16; 20. С. 267; 21].

Кризис семьи в древнерусском обществе был спровоцирован, с одной стороны, стихийным расширением социальных и имущественных прав женщин, принадлежавших в различным социальным группам, а с другой – конфликтом традиционной языческой ментальности и становящейся православной идеологии. Это во многом явилось причиной фундаментальных социокультурных трансформаций, спровоцированных сложной духовно-политической ситуацией в Киевской Руси. Идеологическая и повседневно-бытовая десакрализация славянского языческого пантеона повлекла за собой девальвацию традиционных общинных институтов и базовых ментальных принципов.

По-видимому, эти процессы и стали сигналом к началу эпохи кровавых и длительных междоусобиц. С одной стороны, они разрушили достаточно мощную по тем временам Киевскую державу, а с другой – положили начало полномасштабной идеологической эрозии традиционной славянской картины мира, в которой архетипическая символика Матери и Отца служила надежным гарантом сохранения целостности внутреннего мира человека и общества, построенного на традиционных ценностях, всегда ориентированных на поиски живого, понятного всем и каждому авторитета. Живые родители были непосредственным примером воплощения этой архетипической гармонии, обеспечивающей наглядную связь поколений, а также «отцовских» времен и «материнских» пространств, вме-

сте образующих единое для всех живущих понятие Родины. Американская исследовательница восточно-славянской истории Н. Колльман недвусмысленно указывает на характер трансформации социокультурных отношений в Древней Руси, утверждая, что «восточные славяне наслаждались свободным обществом, в дальнейшем же их свободы деградировали стадийно: период раздробленности, период покорения Новгорода и Пскова, период утверждения московской автократии и т. д.» (Цит. по: [22. Р. 188-201]). По мнению Н. Колльман женское затворничество в концентрированном виде выразилось, начиная с XIV века, в реализации, практики «тёремной системы» [23. С. 118]. Именно она привела «к формированию самодержавного профиля власти в России» и упрочению произвола боярских элит. К тому же подобная система позволяла осуществлять «традиционный» патриархальный контроль над всеми политически значимыми семьями и знатными родами.

Таким образом, авторская гипотеза о непосредственной зависимости способа реализации архетипических установок (матриархальных или патриархальных) с формой правления (республиканской новгородской и автократической московской) находит всё новые подтверждения в исследованиях ученых различных стран и исторических периодов.

И действительно, дальнейшие трагические страницы русской истории наглядно продемонстрировали последствия повсеместного отказа от традиционных схем поддержания архетипического баланса Материнских и Отцовских содержаний ментальности и постепенного вытеснения их патриархальным, маскулинизированным культом, всецело поддерживаемым православной церковью и формирующимся Московским государством. М. Дитрих и Е. Щепкина также усматривали в деградации социокультурного статуса женщины в Средневековой Руси утверждение патриархальных начал, влияние христианства и византийской литературы. По их мнению, не изменились и хронологические этапы в «истории русской женщины»: языческая свобода, которую сменило «постепенное закабаление»; до XVI в. – «замкнутость семейной жизни для женщин высших классов»; с XVI в. – усиление затворничества и возрастание интереса к «ценности женской личности», а со времени Петра I – освобождение, включение женщин в общественную жизнь [24. С. 306-307]. Хотя утверждение об активной социализации женщин в петровской имперской России у нас вызывает серьезные сомнения.

Показательно, что позднее, в зрелом имперском профиле России XVIII–XX вв. описанная нами архетипическая дилемма лишь усугубилась. Причем именно имперская форма правления попыталась окончательно разрушить языческую ментальность, дискредитировав заодно и семью как пространство естественного воспроизводства баланса материнского и отцовского. Но в силу того, что окончательно освободиться от этого ментального сюжета оказалось невозможно, российская власть произвела политический трансфер этого архетипического противоречия на всё доступное пространство империи. Так реанимировалась идея священной Русской Земли как целостного и гармоничного пространства.

Однако подобная имперская реставрация ментальности осуществлялась силой формального силового принуждения и политико-дипломатических спекуляций с идеей «общественного договора», бесконечно далеких от живой, архетипической традиции. Неудивительно, что ведущим в этой идеологии становится именно «отцовский» принцип, но уже лишенный как самостоятельности мышления и действия, так и естественной среды их воплощения. Его бессознательная объективация с необходимостью должна была быть выражена персоной императора, как общекультурного символа отцовской власти, силы и авторитета, который, по мнению А. Некиты, «знаменует собой время предвечного Единства человечества со всей природой, однако, Его благость и могущество все-таки не могут считаться единственным космогоническим принципом» [26. С. 239].

Именно поэтому безграничные амбиции Отца-Императора с необходимостью должны были сублимироваться в бесконечном пространстве подконтрольной ему территории. Но, в силу с трудом поддающегося учету многообразия провинций, их языковых, культурных, религиозных и природно-климатических особенностей, которые его властью лишены естественного архетипического баланса «материнского» и «отцовского», император просто вынужден был формализовать и пространство управления, и сами его принципы. Так территория Древней Руси исподволь превращается в карту (см.: [27]) Российской империи, крайне необходимую для последующего утверждения имперской гегемонии над нею.

Как показывает история, все империи с логической необходимостью приходят к подобной семиотической схеме, в которой ценность личности измеряется не мерой общественного участия и ответственности, но ее должностью и рангом. То есть, властный «Отец» утверждается в имперской

форме как результат канализации архетипического баланса содержаний «Матери» и «Отца», взваливший на себя непосильное бремя. Таким образом, отправление имперским «Отцом» архетипических функций осуществляется только по формальным признакам, указывающим всего лишь на присутствие идеи описываемого нами выше ментального баланса. Растянутое во времени и пространстве господство подобных ментальных установок превращает российскую власть в мощный репрессивный инструмент подавления, а население становится заложником имперского волюнтаризма, постоянно вытесняя в маргинальные пространства инициативу, самостоятельность, творчество и свободу.

Напомним, что любое государство, исповедующее подобные имперские принципы, неминуемо (рано или поздно) превращается в «колосса на глиняных ногах», значимость которого поддерживается исключительно физическим принуждением, властью инстинктов, либо их медийными инсценировками, более или менее удачными. Это противоречие оказалось настолько острым, что даже сегодня, в начале XXI в., как в развитых западных государствах (всегда тяготеющих «к патриархально-иерархическому модусу коллективного пребывания» [28. С. 161]), так и в Российской Федерации любые социально-экономические и политические реформы осуществляются через разрушение традиционных форм семейных отношений и бесконечных, находящихся на грани фола, идеологических и медийных спекуляций вокруг этой темы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №16-13-53001 («"Материнский" Новгород и "отцовская" Москва: драма софийного и имперского начал в русской ментальности»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Пчела» XV в. // РО ГПБ, Р. п. 1, № 44, л. 70 об., 71 об., 72.
2. Русская историческая библиотека. СПб., 1908. Т. VI(2). Ст. 69-70.
3. «Пчела» XIV в. // ЦГАДА, ф. 181, № 370 / 820, л. 65 об. Ср.: РО ГПБ, Р. п. 1, № 44, л. 70 об.
4. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / под ред. А.И. Пономарева. Вып. 4. СПб., 1898. № 64.
5. Сб. слов и поучений XV в. // РО ГПБ, Р. п. 1, № 209 (Толст. 214), л. 54 об., – 55.
6. Пролог XIV – XV вв. // ЦГАДА, ф. 381, № 171, л. 237 об. – 238.
7. Сб. слов и поучений XV в. // РО ГПБ, Р. п. 1, № 209 (Толст. 214), л. 55-55 об.
8. «Пчела» XV в. // РО ГПБ, Р. п. 1, № 44, л. 72 об.
9. Пушкарева Н. Какими были древнерусские женщины? // Наука и жизнь. № 8. 1991. URL: <http://arkona.vn.ua/forum/showthread.php?t=108>.
10. Пушкарева Н.Л. Женщины в Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
11. Щапов А.П. Влияние общественного мирозерцания на социальное положение женщины в России // Щапов А.П. Соч. Т. 2. СПб., 1906.
12. Щапов А.П. Положение женщины по допетровскому воззрению // Щапов А.П. Соч. Т. 2. СПб., 1906.
13. «Пчела» по спискам Киевской духовной академии № 531 (А), № 527 (В), № 105 (С), № 54 (Д).
14. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / под ред. А.И. Пономарева. Вып. 4. СПб., 1898. № 60.
15. Отрывки из 68-главой «Пчелы» по рукописям киевского Михайловского монастыря (№ 493) и Киевской духовной академии (№ 530). Разд. «Б» (1).
16. Полное собрание русских летописей. Т. II.: Ипатьевская летопись. СПб., 1843.
17. «Измарагд» XV в. // РО БАН, 13.2.7, л.81 об.
18. Русская историческая библиотека. Т.6(10). – СПб., 1908.
19. Русская историческая библиотека. Т. VI: Канонические ответы митрополита Иоанна II (1080–1089 гг.). СПб., 1908. Ст. 29.
20. Памятники русского права. Вып. I. М., 1952. Ст. 21.
21. ЦГАДА, ф. 381, № 174, л. 31-34, 123 об.
22. Kollman A.S. The seclusion of Elite Moscovite Women // Russian History. 1983. Vol.10. Pt. 2. P. 188-201.
23. Некита А.Г. Архетипы «Матери» и «Самости»: иноческая модель сакрализации природы Новгородской земли // Вестн. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. № 4(87). Ч. 1. С. 116-119.
24. Дитрих М. Русская женщина великокняжеского времени. СПб., 1904.
25. Щепкина Е. Из историй женской личности в России. СПб., 1914.
26. Маленко С. Бинарный архетип «Мать/Отец» в становлении дуального профиля российской ментальности // Человек пожин(р)ающий: смыслы культуры в д(р)епрессивных трендах цивилизации : коллективная монография: вып. 1 / С.А. Маленко, А.Г. Некита и др.; отв.ред. А.Г. Некита, С.А. Маленко ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2016. С. 235-250. (Гуманитарное вече).

27. Зеленский В.В. Политическое как психологическое: когда карта становится территорией // Одайник В. Психология политики. Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга / пер. с англ. М.: Ювента, 1996. С. 368-380.
28. Маленко С.А., Некита А.Г. Археология Самости: архетипические образы осуществления Человеческого и формы его социального оборотничества. Монография. Великий Новгород, 2008. 298 с., 26 ил.

Поступила в редакцию 18.01.17

A.G. Nekita

**IDEOLOGICAL TRANSFERS IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN MENTALITY:
SUBLIMATION OF SOPHIANIC MATRIARCHY IN THE IMPERIAL PATRIARCHY**

The article considers the problem of transformation of the basic principles of the Russian mentality. As a result of historically established forms of the joint life of ancestors, it has undergone significant changes in the period of spread of Orthodoxy in Ancient Rus. Adopting the Orthodox form, the Old Russian mentality shifts symbolic accents in pagan rituals of worship of Nature and Earth, personifying general cultural symbols of sanctity and sophianic features. In practice, this is reflected in the equality of men and women in the socio-political and cultural life, which was characteristic of the Novgorod Republic. However, the ideology of the Moscow State focused on the cultivation of symbols of "father" as a reflection of the growing political and territorial ambitions of the king. As a result, Moscow managed to sublimate the energy of matriarchal principles of the Old Russian mentality and to subordinate them to the patriarchal principles of construction of the government and the organization of everyday life. But uniting around itself Russian principalities, the Moscow Patriarchy ignored the archetypal harmony of "maternal" and "paternal" principles and gave the "father" model absolute political power while retaining all the symbolic features of a binary archetype "Mother / Father." This opened the way for the centuries-old traditional ideological transfer of the Russian mentality to the format of imperial patriarchy.

Keywords: archetypal mentality, mother, father, family, imperial ideology, paganism, Orthodoxy, matriarchy, patriarchy, political transfer.

Некита Андрей Григорьевич,
доктор философских наук, профессор
кафедры теории, истории и философии культуры
ФГБОУ ВО «Новгородский государственный
университет имени Ярослава Мудрого»
173003, Россия, г. Великий Новгород,
ул. Большая Санкт-Петербургская, 41
E-mail: beresten@mail.ru

Nekita A.G.,
Doctor of Philosophy, Professor at Department
of theory, history and philosophy of culture
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
Bolshaya Sankt-Peterburgskaya st., 41,
Veliky Novgorod, Russia, 173003
E-mail: beresten@mail.ru